

Подготовила Россинская Светлана Владимировна, заведующая библиотекой
«Фолиант» МУК «Тольяттинская библиотечная корпорация» e-mail: rossinskiye@tlt.ru

Михаил Врубель: «...Я раб твой, что подумаешь только, сделаю...»:
*Литературное расследование жизни и творчества Михаила Врубеля
к 17.03....- 1... - летию со дня рождения русского художника (1856-1910)*

Певица **Надежда Забела** была не только женой, но и музой гениального художника **Михаила Врубеля** и практически единственной его моделью.

...С картин Врубеля на нас смотрит красавица с нежным, восточного рисунка лицом и огромными, завораживающими глазами. Но была ли Надежда Забела такой на самом деле? Или это Михаил Врубель так видел ее сквозь призму своей любви?

В их жизни любовь и творчество так переплелись, что, если бы не она, великий художник никогда бы не создал своих величайших полотен. А если бы не он, знаменитую певицу, возможно, сейчас никто бы не вспомнил.

Гениальный художник влюбился, впервые услышав ее голос. Он находился за кулисами, работал над декорациями, она - репетировала на сцене. Слушая музыку, Врубель «видел» ее, причем в цвете. Голос звучал сиреневым, аметистовым, лиловым - его любимыми оттенками.

Художник страстно захотел увидеть певицу и едва дождался окончания репетиции. А, увидев, понял, что погиб. Другой женщины в его жизни больше быть не могло.

Ему особенно нравилось писать ее портреты в тех сценических костюмах или нарядных платьях, которые он сам для нее придумал. *«Царевна-Лебедь»*, *«Морская царевна»* - эти знаменитые картины Врубеля не просто сказочные образы, а портреты его жены в ролях из опер Римского-Корсакова.

Когда художник встретил главную женщину в своей жизни, свою судьбу, свою великую любовь, разнообразие женских образов исчезло с его полотен. Верный своей привычке писать только ту, в которую был влюблен в данный момент, Михаил Врубель со дня знакомства и до самой своей смерти писал только ее.

Ее одну.

Что же произошло в его жизни именно тогда, когда он все-таки встретил ту, которая ему была суждена, и с которой он мог бы стать счастливым?

15 марта 2010 года в литературном клубе «Прикосновение» библиотеки «Фолиант» МУК ТБК с участием тольяттинского художника **Владимира Маркова** состоится вечер по искусству, посвященный жизни и творчеству Михаила Врубеля.

В ходе небольшого литературного расследования вместе со своими читателями мы попробуем выяснить, почему известный художник изнурял себя многочасовыми ночными стояниями, пока не падал от слабости?

На самом ли деле он помнил, как в Средние века был архитектором и строил готические соборы? По какой причине у него начало ухудшаться зрение, а потом наступила полная слепота?

Доктора рассказывали, что слепой Врубель мог одним росчерком карандаша нарисовать контур скачущей лошади, но стоило карандашу оторваться от бумаги - линия терялась...Что же случилось? Отчего вся жизнь Михаила Врубеля внезапно пошла наперекосяк?

Счастливое детство

Михаил Александрович Врубель родился в Омске 17 марта 1856 года. Отец его, боевой офицер **Александр Михайлович Врубель**, из русских немцев, прошел Крымскую войну, а в мирное время стал военным юристом. Мать - **Анна Григорьевна**, урожденная

Басаргина, одного за другим родила четверых детей: Анну, Михаила, Екатерину и Александра.

Михаил был любимцем всей семьи, милым и тихим мальчиком. Даже в младенчестве он отличался от других детей тем, что практически не просыпался ночью: мать даже тревожилась за его здоровье, но доктора уверили ее, что с ребенком все в порядке.

«Миша спит всю ночь преспокойно», - писала Анна Григорьевна своей сестре в Астрахань. Сестра художника, Анна Александровна, в своих мемуарах приводила цитату из письма матери и комментировала: *«Слова эти подчеркивают основную черту брата в раннем детстве - удивительное спокойствие, кротость».*

Частые роды истощили организм Анны Григорьевны. Она умерла в январе 1859 года. У Михаила сохранилось о матери только одно смутное воспоминание, как они с сестрой сидели возле кровати больной матери, а она вырезала для них *«человечков, лошадей и различные фантастические фигуры».*

Через год после смерти жены Александр Михайлович Врубель с осиротевшими детьми переехал в Харьков.

Когда Михаилу исполнилось семь, отец женился снова. Мачеха, талантливая пианистка, **Елизавета Христиановна Вессель**, стала для мальчика добрым другом и заменила ему умершую мать, которую он почти не помнил. Миша очень любил слушать, как Елизавета Христиановна играет на фортепиано: музыку он «видел» в цвете и наслаждался воображаемой радугой.

Самым близким человеком в семье для него была старшая сестра Анна, нежные отношения с которой у него сохранились на протяжении всей его жизни. Михаил также очень любил и остальных своих братьев и сестер, а отца и мачеху называл *«папаша»* и *«мамаша»* и регулярно писал им, когда путешествовал... или когда находился в психиатрической лечебнице.

Елизавета Христиановна родила мужу еще троих детей. В 1870 году семья переехала в Одессу, где Михаил поступил в гимназию. Учился он отлично, был прилежным и послушным, и единственное, что гимназическое начальство вменяло ему в вину, - это щегольство: ему нравилось нарядно одеваться.

Вообще, он был более опрятным, чем другие мальчики, и даже отличался *«картинной»* красотой, но сверстники ему это прощали. Во-первых, они считали, что Михаил такой, потому что он немец, а все немцы - аккуратисты, а во-вторых - его мягкий нрав и незлобивость в сочетании с умением придумывать самые интересные игры располагали к нему даже драчунов.

И еще - Михаил был странный. Сестра вспоминала, что он *«иногда впадал в такое напряженное состояние, что как бы переставал замечать окружающее».*

«Опять ты впал в свое оцепенение», - не раз сокрушался отец. Но учебе это не мешало, и гимназию Михаил Врубель окончил с золотой медалью.

Несостоявшийся юрист

Рисовать он начал еще в детстве. Правда, почти всегда, бросал рисунки неоконченными. Его тянуло к карандашу и бумаге, но так, как он задумывал, нарисовать не получалось, зато, что получалось, ему не нравилось. Михаил любил посещать художественные выставки, но о том, чтобы профессионально учиться живописи, он даже не мечтал: знал, что отец не позволит. А отца Михаил слушался беспрекословно.

В восемнадцать лет Михаил Врубель приехал в Петербург и поступил на юридический факультет Петербургского университета. Александр Михайлович хотел, чтобы сын пошел по его стопам, и Михаил пытался...

Но ничего не получилось. Учился он плохо. Совершенно не мог сосредоточиться на предметах, ему неинтересных и чуждых. Потом покорно отбыл воинскую повинность. А в 1880 году все-таки поступил в Академию художеств, где проявил те самые качества -

усидчивость и работоспособность, которые так поразили всех во время его учебы в гимназии.

«Я до того был занят работой, что... если не работал, то думал о работе», - писал он сестре Анне.

«Я любил женщину, она меня не любила...»

К сожалению, это не совсем соответствовало истине. Как и любой молодой мужчина, Михаил страстно желал любви, а поскольку воспитан был на романтической литературе, то мечтал встретить ту самую, единственную и неповторимую. В ожидании встречи с судьбой он сходилась с доступными женщинами.

Пассии сменяли одна другую, причем в основном это были женщины из числа натурщиц или богемных дам, искательниц приключений.

Академию Михаил Врубель так и не окончил, согласившись в 1884 году руководить реставрацией древней Кирилловской церкви в Киеве. Там он впервые серьезно влюбился: у Врубеля начался роман со зрелой дамой - **Эмилией Львовной Праховой**, супругой профессора А.В. Прахова. Михаил был одержим страстью к этой женщине, для которой связь с молодым художником стала еще одной необременительной интрижкой в череде многих.

Михаил уехал в Венецию изучать мозаики в соборе Святого Марка: это было необходимо для его работы. Но всей душой он рвался обратно, в Киев, к любимой. А когда приехал, обнаружил, что Эмилия Львовна его не только не ждала, но уже нашла ему замену.

Потрясенный, Михаил пытался искать утешение в боли. Художник **Константин Коровин** вспоминал: *«Что это у вас на груди белые большие полосы, как шрамы?» - «Да, это шрамы. Я резал себя ножом... Поймете ли вы, - сказал Врубель, - я любил женщину, она меня не любила... Я страдал, но когда резал себя, страдания уменьшались».*

Его друг и покровитель Савва Иванович Мамонтов впоследствии писал: *«Врубель благоговел перед женщинами, но одна из них всегда гостила в его сердце. Во всех изображенных им в известный период жизни женских фигурах сквозят черты той, которой он увлекался в тот момент».*

Ему пришлось дорого заплатить за свою любвеобильность. Причем именно тогда, когда он все-таки встретил ту, которая ему была суждена, и с которой он мог стать счастливым...

Ученица Мартильды Маркези

Надежда Ивановна Забела родилась в городке Ковно, нынешнем Каунасе, 1 апреля 1868 года. Отец ее, **Иван Петрович Забела**, принадлежал к старинному украинскому роду, чем весьма гордился. Он был культурным человеком, интересовался искусством и старался дать прекрасное образование своим дочерям Екатерине и Надежде.

В десять лет Надю отдали в Киевский институт благородных девиц, который она окончила в 1883 году с большой серебряной медалью.

В 1885 году Надежда Забела поступила в Петербургскую консерваторию, где проучилась шесть лет. Незадолго до выпуска, в 1891 году, Забела исполняла партию Леоноры в консерваторской постановке оперы Бетховена «Фиделио» и уже тогда привлекла к себе внимание критиков.

«Биржевые ведомости» писали: *«Конечно, молодой артистке придется еще много поработать и усовершенствовать себя, так как в пении и игре ее еще есть недочеты, особенно в умении держаться на сцене... Но и теперь уже молодая артистка выказывает горячность исполнения и чувство...»*

После окончания консерватории по приглашению Антона Рубинштейна Надежда Забела отправилась в гастрольное турне по Германии, Потом поехала в Париж, совершенствовать голос у знаменитой в то время **Мартильды Маркези**. Вернувшись в

Россию, Надежда Забела пела в Киеве, в оперном театре П. Я. Сетова, где самой популярной ее ролью стала Оксана из оперы П.И. Чайковского «Черевички».

Потом уехала в Тифлис, где исполнила практически все центральные партии из популярных опер. Успех у молодой певицы был такой значительный, что ее пригласили в Панаевский театр в Петербурге.

«Все певицы поют, как птицы, а Надя - как человек!»

В 1890 году Михаил познакомился с **Саввой Ивановичем Мамонтовым**, миллионером и меценатом. Мамонтов стал для художника покровителем и другом. Врубель много рисовал Мамонтова и членов его семьи: не только их портреты, но также их - в образах персонажей из любимой им поэмы Лермонтова «Демон».

В 1895 году Надежда Забела репетировала роль Гретель в опере-сказке «Гензель и Гретель». Пару ей составила знаменитая певица меццо-сопрано **Татьяна Любатович**. Оперу решил поставить на сцене Панаевского театра Савва Мамонтов, за свой счет и со своими декорациями. Декорации рисовал **Коровин**, потом он внезапно заболел, и Мамонтов попросил Михаила Врубеля их закончить...

О встрече с будущим мужем Надежда Ивановна вспоминала: *«...На одной из репетиций, еще первоначальных, утренних, я во время перерыва (помню, стояла за кулисой) была поражена и даже несколько шокирована тем, что какой-то господин подбежал ко мне и, целуя мою руку, воскликнул: «Прелестный голос!» Стоявшая здесь Т.С. Любатович поспешила мне представить: «Наш художник Михаил Александрович Врубель», и в сторону мне сказала: «Человек очень экспансивный, но вполне порядочный».*

Михаил Врубель тут же загорелся идеей - написать портрет Надежды Забелы и Татьяны Любатович в ролях Гензеля и Гретель. Для вдохновения он всегда присутствовал в театре во время репетиций. Он восторженно говорил: *«Все певицы поют, как птицы, а Надя - как человек!»*

«Я дам тебе все, все земное - люби меня!»

Ухаживал Врубель робко и неловко. Сокрушался, что так мало может предложить Надежде: он был старше ее и совсем не богат. Но это имело бы значение, если бы Михаил влюбился в обычную женщину. К счастью, объектом его страсти стала актриса, личность творческая, способная по заслугам оценить его талант, а в искренних, пылких его чувствах черпать вдохновение.

В одном из писем периода сватовства Врубель цитировал из «Демона» Лермонтова: *«Я дам тебе все, все земное - люби меня!»*

После премьеры оперы «Гензель и Гретель» Надежда уже относилась к Михаилу как к близкому человеку и решила представить его своей сестре **Екатерине** и ее мужу, известному художнику **Николаю Ге**. Екатерина Ивановна Ге позже вспоминала, как во время этой встречи заметила, что *«Надя как-то особенно моложава и интересна, и сообразила, что это от атмосферы влюбленности, которою ее окружал именно этот Врубель».*

Михаил Врубель посватался к Надежде Забеле, и получил согласие. Официально они стали женихом и невестой, смогли вместе появляться на публике. Сестре Анне он писал, что, если бы Надежда ему отказала, *«он лишил бы себя жизни».* В свою очередь Анна писала брату Александру: *«Радуюсь тому, что Миша избирает своей спутницей жизни артистку: артистическая среда - его сфера...»*

28 июля 1896 года в Швейцарии состоялась свадьба Забелы и Врубеля. Вскоре после венчания Надежда писала сестре: *«В Михаиле Александровиче я каждый день нахожу новые достоинства: во-первых, он необыкновенно кроткий и добрый, просто трогательный, кроме того, мне всегда с ним весело и удивительно легко. Я, безусловно, верю в его*

компетентность относительно пения, он будет мне очень полезен, и кажется, что и мне удастся иметь на него влияние».

Можно сказать, что еще со времени постановки оперы «Гензель и Гретель» Врубель и Забела стали соавторами, сотворцами. Михаил помогал Надежде глубже видеть роли и придавал яркость образам ее героинь, создавая удивительные декорации и фантастические по красоте и сложности костюмы. Белокурые и, кажется, внешне не слишком похожие на Забелу Врубель *«Принцесса Греза»* и *«Маргарита»* - это все тоже она. Если приглядеться, можно узнать ее черты и особенно - ее глаза.

Михаил и в обычной жизни «одевал» свою жену, то есть давал ей советы по части туалетов и даже делал наброски платьев и шляпок, с которыми Надежда шла к портным. Она признавала, что вкус у мужа более изысканный, чем у нее. И хотя иногда наряды, сшитые по его эскизам, оказывались неудобными в повседневной носке, благодаря им Надежда Забела-Врубель всегда выделялась в любом обществе.

Вскоре после свадьбы Надежда согласилась на предложение Саввы Мамонтова и перешла в Московскую частную оперу, где начался самый плодотворный период ее творчества. Слава ее возрастала.

Композитор-русифил Николай Андреевич Римский-Корсаков был восхищен ее голосом и манерой исполнения. Для него она также стала источником вдохновения, как и для Врубеля, и в своих операх он сочинял главные женские партии специально для Надежды Забелы-Врубель: царица Волхова в «Садко», Снегурочка, Панночка в «Майской ночи», Царица-Лебедь в «Сказке о царе Салтане», Марфа в «Царской невесте».

А Врубель писал композитору: *«Благодаря Вашему доброму влиянию решил посвятить себя русскому сказочному роду... Не повторять в миллионный раз, а сделать что-то русское, например: Лель, весна-красна...»*

И действительно: в его полотнах появляется русский сказочный колорит. Но только влияние скорее было не со стороны композитора и его опер, а со стороны любимой женщины, эти оперы исполнявшей.

Надежда Забела-Врубель вспоминала: *«Мне пришлось петь «Морскую царевну около 90 раз, и мой муж всегда неизменно присутствовал на спектаклях».*

Была ли она вообще хороша собой? Даже современники спорили об этом. Одни считали Надежду Забелу восхитительной красавицей, другие утверждали, что внешне она была скорее некрасива, но пленяла внутренним огнем и талантом.

«Возможно ли было, раз увидев это существо, не обольститься им на всю жизнь! Эти широко расставленные сказочные глаза, пленительно женственная, зазывно-недоуменная улыбка, тонкое и гибкое тело и прекрасные длинные руки», - так говорил о Надежде Забеле музыковед и композитор **Михаил Фабрианович Гнесин**.

Между тем сестра певицы, Екатерина Ивановна Ге, писала: *«В наружности сестры не было ничего классического и правильного, и я слышала отзыв, что Врубель выдумал красоту сестры и осуществил в портретах, хотя, по-моему, он часто преувеличивал именно ее недостатки, так как они особенно нравились ему».*

Их супружество было очень счастливым, пока летом 1901 года на свет не появился ребенок... Их долгожданный сын, которого они назвали в честь Саввы Мамонтова - Саввочкой.

Жестокая плата за пылкость натуры

Когда Михаил Александрович впервые увидел лицо младенца, он едва не лишился чувств от ужаса и еще несколько дней не осмеливался подойти к колыбели. Мальчик родился с расщепленным небом: в народе этот физический недостаток называют «заячьей губой». Хотя сразу после рождения на верхнюю губу был наложен шов, личико Саввочки было асимметричным. К тому же врачи выражали осторожное сомнение в том, что мальчик когда-нибудь сможет научиться внятно говорить.

В большинстве биографий Михаила Александровича Врубеля пишут, что рассудок художника не выдержал переживаний из-за болезни Савочки. На самом деле причина психического расстройства, которым страдал Врубель, была «некрасивой», поэтому ее принято замалчивать.

В начале 1902 года психиатр и невропатолог **Владимир Михайлович Бехтерев** обнаружил у Михаила Александровича сухотку спинного мозга и предсказал, что следующим этапом будет безумие, а затем - слепота. Все это были стадии развития приобретенного художником еще в молодости и не до конца вылеченного сифилиса. Прогнозы Бехтерева сбылись - один за другим.

Надежда Ивановна приняла рождение больного ребенка с мужественным смирением. У Михаила Александровича отношение к сыну было более сложным: ужас сменился жалостью, а жалость перешла в болезненное обожание, причем все эти перемены произошли едва ли не за неделю...

Когда Саввочке исполнилось пятнадцать дней от рождения, Врубель уже утверждал, будто явно наблюдает у мальчика зачатки творческих способностей, писал сестре, что Саввочка *«необыкновенно пристально смотрит и все рассматривает»*. Но в глубине души Врубель страдал, глядя на сына: в его трагедии Михаил Александрович винил себя, свою *«дурную болезнь»*. И не безосновательно: внутриутробное заражение как раз и вызывает подобные проблемы со здоровьем.

Когда мальчику исполнилось полгода, отец написал его портрет. Взгляд у Саввочки не по-детски серьезный и скорбный, словно он сознает безнадежность своего будущего... Врубель все глубже загонял себя в депрессию. Ему казалось, что вокруг него сгущается мрак, а предметы теряют свои краски и четкие очертания.

Он испытывал мучительные приступы тоски, острый страх смерти сменялся желанием как можно скорее умереть, лишь бы перестать терзаться. А самое страшное - он совершенно перестал спать. В конце концов, Михаил Александрович согласился провести несколько месяцев в психиатрической лечебнице.

Новый клиент психиатрической клиники доктора Усольцева

Это вовсе не значит, что несчастного художника заперли в «желтом доме», били и запугивали, как безумных героев Гоголя или Достоевского. К тому моменту, когда Михаилу Врубелю понадобился постоянный надзор докторов, психиатрическая наука в России как раз переживала взлет, на деньги благотворителей обустроивались роскошные лечебницы, больше напоминающие курорт, где пациенты отдыхали от внешнего мира.

«...Великолепный парк с 200-летними липами, пропасть сиреневых кустов, то-то летом весело. Еда и сервировка здесь обильная и вкусная», - пишет Михаил Александрович из лечебницы жене. Лечили там теплыми ваннами и молоком, трионалом и хлоралгидратом, приятным общением и... искусством. Для больных давали концерты и российские, и заезжие знаменитости.

В других письмах Врубеля - жене, сестре, родителям - звучат то восторженность голосами «неаполитанцев», то воспоминания о приятнейшем вечернем чае или великолепном обеде с гостями.

«Скорбных главою» знаменитостей к тому же стимулировали к занятиям творчеством. Целый ряд полотен Врубель создал во время лечения: точно известно, что в клинике **Ф. А. Усольцева** он написал картину *«Азраил»* и начал работу над *«Видением пророка Иезекииля»*.

Доктор Усольцев, лично наблюдавший Михаила Александровича, записал свои размышления о творчестве пациента:

«Часто приходится слышать, что творчество Врубеля - большое творчество. Я долго и внимательно изучал Врубеля, и я считаю, что его творчество не только вполне

нормально, но так могуче и прочно, что даже ужасная болезнь не могла его разрушить. Творчество было в основе, в самой сущности его психической личности...

С ним не было так, как с другими, когда самые тонкие, так сказать, последние по возникновению представления - эстетические - погибают первыми: они у него погибли последними, так как были первыми».

Надежда Ивановна тоже пела для пациентов доктора Усольцева. Она часто посещала Михаила Александровича, встречи с ней благотворно влияли на больного, и он с благодарностью писал жене:

«Видишь ли, дорогая моя Надюшечка, доктора свидания с тобой считают одним из важных стимулов моего быстрого и радикального поправления: они очень остались довольны тем впечатлением, какое произвело на меня свидание с тобою. Они находят, что я с каждым днем заметно выздоравливаю».

Он сознавал тогда, как трудно она живет, разрываясь между больным мужем и больным сыном. Надежда Ивановна скрывала от Михаила Александровича свою тоску и усталость. Перед ним она всегда старалась казаться бодрой, счастливой, полной творческих сил.

Но своему другу. Николаю Андреевичу Римскому-Корсакову, она писала в декабре 1902 года: *«Вообще невероятно тяжело жить на свете, и я часто думаю, что у меня скоро не хватит энергии петь и бороться за существование».*

Лечение помогло. Михаил Александрович вернулся к нормальной жизни и к творчеству. Но, увы, ненадолго.

Весной 1903 года по приглашению мецената **фон Мекка** чета Врубель с сыном отправилась в его поместье в Киевскую губернию. В дороге мальчик заболел крупозным воспалением легких. Его привезли в Киев, созвали консилиум лучших докторов, но болезнь эта считалась почти стопроцентно смертельной. 3 марта 1903 года Саввочка умер.

И рассудок Врубеля не выдержал утраты.

В пучине безумия

Болезнь развивалась стремительно. Надежда Ивановна меняла врачей и лечебницы, но никто уже не мог помочь ее мужу. Душевное равновесие возвращалось к нему, только когда он рисовал, когда слушал пение жены или когда сестра Анна читала ему вслух. Но бессонные ночи были ужасны, и все чаще приступы безумия настигали художника и в дневное время. Порой он не мог удержать в руках карандаш или сосредоточиться на том, что ему читают.

Начало ухудшаться зрение. К 1906 году Михаил Александрович окончательно ослеп. Для художника это ощущалось самой ужасной катастрофой. Как выход ему предлагали лепить скульптуры: на ощупь. Но он отвечал: *«Приятно лепить только когда видишь, что делаешь».*

...Любить жену Врубель не переставал даже в худшие свои периоды, даже полностью погрузившись в пучину безумия. В последних письмах к ней, написанных незадолго до того, как Михаил Александрович ослеп, он снова и снова признавался в любви и осыпал ее ласковыми прозвищами: *«удивительная», «голубушка», «бесценность моя», «кумир», «моя бабочка», «соловей»,* причем, на всех языках, которые знал.

Предсмертные страдания растянулись на четыре года, которые Михаил провел, преимущественно кочуя из одной лечебницы в другую. Доктора рассказывали, что слепой Врубель мог одним росчерком карандаша нарисовать контур скачущей лошади, но стоило карандашу оторваться от бумаги - линия терялась...

Едва за ним ослабевал присмотр, как художник принимался изнурять себя многочасовыми ночными стояниями, пока не падал от слабости. Он твердил, будто за такие муки Бог обещал подарить ему новые глаза: из изумруда.

Он утверждал, будто помнит, как в Средние века был архитектором, строил готические соборы. «Воспоминания» становились все более подробными и затмевали собой память о реальных событиях жизни.

Надежда Ивановна все это время жила в Петербурге, пела в Мариинском театре. Многие осуждали ее за то, что она не оставит сцену и не посвятит всю себя Врубелю. Но для нее уйти из театра означало умереть. И так уже горе из-за умершего малыша и сопереживание больному мужу лишили ее творческого огня, отнимали физические и духовные силы.

М.Ф. Гнесин писал о ее выступлении: *«Когда я однажды попал в театр на «Садко» с ее участием, я не мог не огорчиться какой-то ее незаметностью в спектакле. Внешний облик ее, да и пение были для меня обаятельны по-прежнему. И все же это была по сравнению с прежним как бы нежная и несколько тусклая акварель, лишь только напоминающая картину, написанную масляными красками...»*

Перед праздниками Надежда Ивановна всегда старалась забирать мужа домой. Новый 1910 год они встретили вместе. Казалось, Михаилу Александровичу стало лучше, внешне он даже смирился со своей слепотой. Но на самом деле жизнь сделалась для него совершенно невыносима.

В конце января Надежда Ивановна застала мужа стоящим перед раскрытой форточкой: Врубель хотел простудиться и умереть. Она умоляла, и он пообещал больше не предпринимать никаких попыток самоубийства...

Но в конце февраля Врубель слег с воспалением легких. Его вылечили, однако здоровье было окончательно подорвано. Началось стремительное угасание. 14 апреля 1910 года Михаил Александрович Врубель скончался. Похоронили его на Новодевичьем кладбище в Петербурге.

После Врубеля

Надежда Забела-Врубель пыталась утешиться музыкой, и Римский-Корсаков специально для нее написал партию Февронии в опере *«Сказание о невидимом граде Китеже»*. Современники вспоминали, что на репетициях Забела-Врубель исполняла Февронию восхитительно. Но выйти с этой партией в спектакле ей не удалось: в 1911 году Мариинский театр расторг с ней контракт.

Покинув большую сцену, Забела-Врубель ездила по России с концертами, на которых пела преимущественно романсы Римского-Корсакова. Критики отзывались о ее пении восторженно.

Мы же можем судить о ее голосе по *«Колыбельной»* царевны Волховы из оперы *«Садко»* - единственной записи, дошедшей до наших дней.

Свой последний концерт она давала в Петербурге, 3 июля 1913 года. А в ночь после концерта Надежда Ивановна скончалась от сердечного приступа. Ей было всего 45 лет. Она пережила Михаила Врубеля на 3 года.

Те, кто знал ее, этому не удивились. Госковала она по мужу страшно, винила себя за то, что не уберегла, и не сомневалась, что они вскоре вновь будут вместе.

Как тут не вспомнить строки Михаила Врубеля, обращенные к любимой: *«...я раб твой, что подумаешь только, сделаю...»*

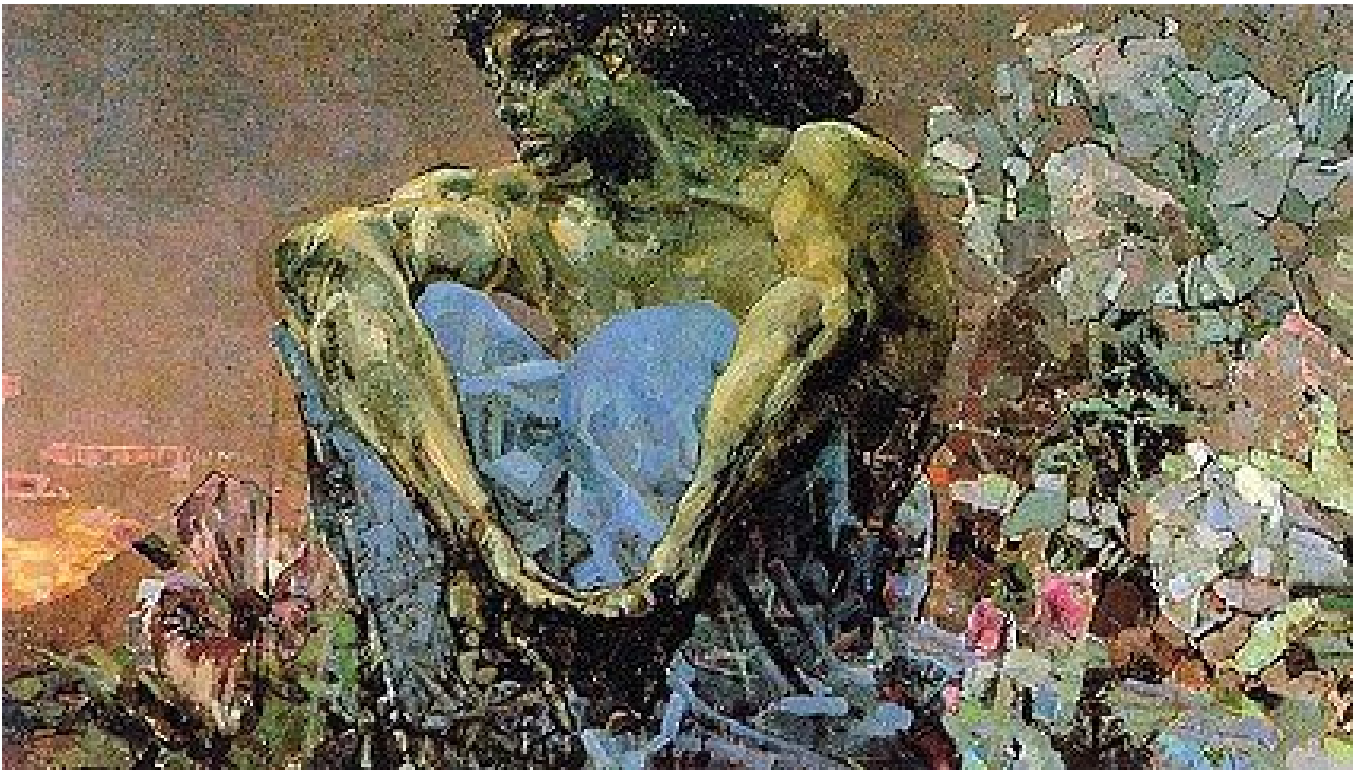
Литература:

1. Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике. - 2 изд. - Л., 1976.
2. Коган Д.З. М.А. Врубель. - М., 1980.
3. Прокофьева Е. «Бесценность моя, мой кумир...»// Елена Прокофьева//Gala -Биография. - 2010. - № 4. - Стр. 33-46.
4. Ракитин В. М. Врубель. - М., 1971
5. Яремич С.П. М.А. Врубель. Жизнь и творчество. - М., 1911.

Врубель МА рус художник

Демон сидящий Врубель М. 1890

портрет К.Д. Арцыбушева , Врубель М. 1897

Царевна-лебедь М Врубель, 1900